

АТР

Когда
Николетта
Мантовани роди-
лась в одном из кондоми-
ниумов Болоньи, тридцатиче-
тырехлетний Лючано Паваротти
был уже восемь лет женат, имел трех
дочерей и пел в самых знаменитых опер-
ных театрах мира.

И вот двадцать семь лет и четыре ме-
сяца спустя жюри самого популярного
певца века и скромной студентки универ-
ситета (в конце года она должна защи-
щать диплом на факультете естественных
наук) переплелись, и, судя по всему, на-
всегда.

— Мы любим друг друга, — говорит Ни-
колетта, впервые решившаяся раскрыть
душу перед журналисткой, — но последний
год был для нас просто адским. Однако с
тех пор, как мы сказали всем правду, я
счастлива.

(В марте этого года газеты поместили
скупое сообщение о том, что Лючано Па-
варотти и его жена Адуа Верони по обо-
юдному согласию решили официально раз-
ойтись.)

— Наконец-то, — продолжает сияющая
от счастья Николетта, — можно перестать
врать людям. Мне это всегда давалось не-
легко... С детства меня приучили упорно
трудиться. Отсюда и первая искра зародив-
шегося в моей душе чувства: Лючано —
стахановец из стахановцев*, его трудолю-
бие поразительно...

В доме Мантовани на оперную музыку
было наложено табу.

— Мы считали ее, — говорит Николет-
та, — снобистской,
элитарной, далекой
от народных тради-
ций, которыми мы
гордились. Лично я
люблю только рок.

Но главной свя-
тыней Николетты
был спорт.

— Все это папина
заслуга. Он был
членом моденской
футбольной коман-
ды группы "А", по-
том — тренером и
ученым-агрономом.

Благодаря ему я
почти все свое дет-
ство провела на от-
крытом воздухе, в
лесу, в горнолыж-
ных лагерях и на
бейсбольных пло-
щадках. Совсем еще
ребенком я подни-
малась в пять утра,
чтобы пойти с ним в

горы за грибами, и сегодня мне этих пох-
дов особенно не хватает. Когда я приез-
жаю в Италию, мы — я, он и наша собака —
первым делом спешим в лес.

— А как же Паваротти?

— Моя мечта — приохотить к этому и
его. Да, я знаю, с виду мы с ним такие
разные. Я равнодушна к природе, кол-
лекционирую насекомых и могу целый
день протрять в музее естественных
наук. А он — поклонник всех видов ис-
кусства (в которых я совершенно не раз-
бираюсь), не занимается спортом и не
обожает, как я, животных. И все же мы
прекрасно дополняем друг друга... Наша
первая встреча произошла в 1992 году.
Чтобы не сидеть на шее у родителей, я
всегда работала — то няней, то официант-
кой. А тем летом я нашла место админи-
стратора в "Паваротти интернешнл". Во
время конкурса маэстро каждый день
проходил мимо моей конторки, но ни раз-
у не удостоил меня даже кивком в ответ
на мое приветствие. "Какой противный и
заносчивый человек, — думала я с оби-
дой. — Ненавижу его". На следующее ле-
то меня снова пригласили туда же. Собе-
седование проходило в здании моденско-
го ипподрома. Мне указали на какую-то
дверь, за которой вместо заведующего я
увидела Лючано. Он был один. От испуга
я вся покрылась испариной. Наконец,
чтобы нарушить молчание, я выпалила:
"Вы любите лошадей?" Он расхохотал-
ся, а потом проболтал со мной целых
полчаса...

Остальное — это уже история. Как раз
в тот момент секретарша Паваротти, вен-
герка Джудит, собралась уходить, чтобы
заняться фотографией, и тенор решил
пригласить на это место Николетту, кото-
рая закончила в свое время лингвистичес-

кий лицей и знает английский, не-
мецкий и испанский.

— Так началась наша любовь. Но не
спрашивайте, когда именно и где. Это ка-
сается только нас двоих.

По-видимому, эта тайна осталась
единственной не раскрытой: уже больше
года средства массовой информации всего
мира охотятся за нашей парой.

— Самыми жестокими оказались ита-
льянцы, — говорит Николетта. — Ужасно,
когда о тебе судят и раздувают полемику
в газетах люди, совершенно ничего о те-
бе не знающие, даже сексопатологи и
психологи. Сегодня в моде фраза из кни-
ги Сузанны Тамаро: "Иди, куда зовет те-
бя сердце". Но когда речь заходит о люб-
ви какой-то "не такой", например, о
любви гомосексуалистов, людей разного
возраста, рас и вероисповедания, наше
общество становится лицемерным, тре-
бующим всяческих причин для оправдан-
ия или осуждения. Но тот, кто любил,
прекрасно знает, что любовь не признает
никаких "почему". Господь на их сторо-

— Я всегда голосовала за партию "зе-
леных" и мечтаю, чтобы в Италии ми-
нистр по делам окружающей среды дей-
ствительно соответствовал своему предна-
значению.

— Как вам живется на Манхэттене?

— Последние тридцать лет Лючано
провел взаперти, дома, чтобы не потерять
голос. Его жизнь — это сплошные жертвы
и лишения. Поначалу мне было трудно, но
теперь я научилась выкраивать время для
своих дел. И открыла для себя прелесть
домашней жизни: единственные мгнове-
ния, когда мы наконец остаемся одни. Иг-
раем в карты, смотрим фильмы, слушаем
музыку, приводим в порядок дом.

— Как выяснилось, в кухне командует
он?

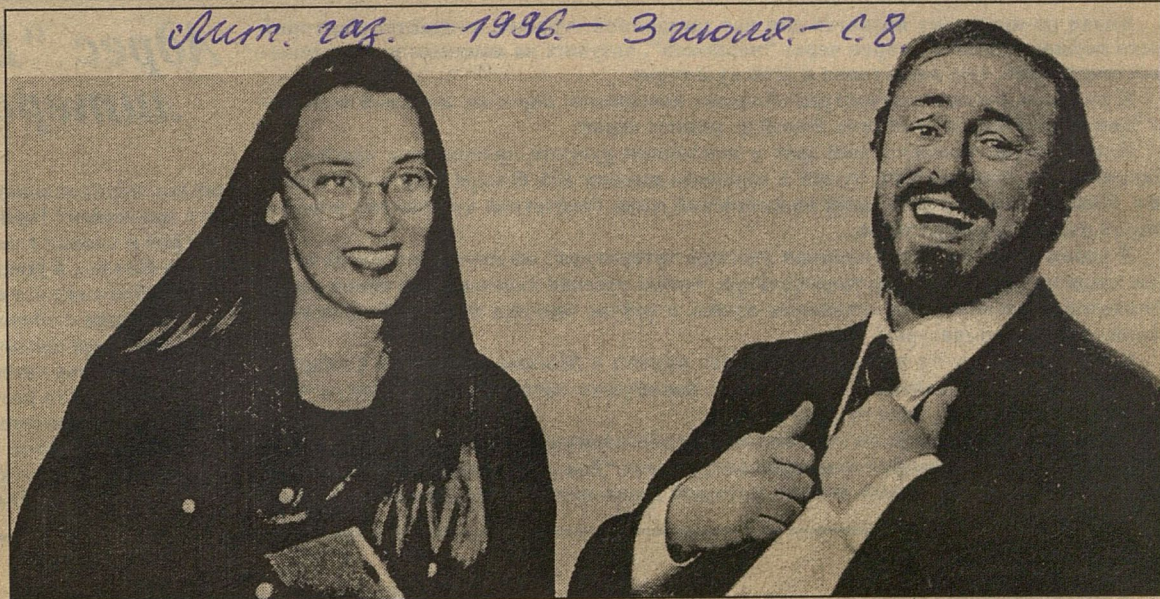
— Здесь у нас тоже царит полнейшее
согласие. Я у плиты — пустое место, так
как привыкла к полуфабрикатам и бу-
тербрдам. А он просто восхитителен. В
прошлом году я вдруг решила пригото-
вить ему домашние тортеллоны, для чего
связалась по телефону с моими обеими

ЗА КУЛИСАМИ

“Мы с Лючано Паваротти...”

Прославленный певец
и его молодая жена Николетта Мантовани

лит. газ. — 1996 — 3 июля — с. 8

не. Я практикующая католичка и верю,
что он скорее одобрит истинную любовь,
пусть даже выходящую за рамки обыден-
ности, нежели любовь фальшивую, но
“традиционную”.

Как ни странно, а сцементировало эту
любь абсолютное невежество Николет-
ты в области оперной музыки.

— Для меня Лючано никакой не кумир.
Наоборот, поначалу у нас была уйма про-
блем, потому что я не в состоянии слу-
шать оперу, мне она смертельно скучна.
А привлекло меня к нему чисто челове-
ческое обаяние: его бодрость, чистая дет-
ская душа, безграничный оптимизм, му-
драя рассудительность, уравновешиваю-
щая мою импульсивность и иррациональ-
ность. Лючано неспособен дуться, таить зло, ему
неведома депрессия.

— До знакомства с ним вы обливали
краской дам в шубах из “трупов зверей” и
выступали против вивисекции...

— Но Лючано объяснил мне, что самое
главное на свете — уважение к другим. На
день рождения он подарил мне три “эко-
логические” шубы. “Теперь ты можешь
продемонстрировать всем свои убежде-
ния”, — сказал он. Моя мечта — органи-
зовать вместе со звездами кино и театра
кампанию против натуральных мехов.
Лючано не хочет принимать в ней учас-
тия, так как придерживается философии:
“живи и не мешай жить другим”. Но меня
он не отговаривает.

— Как изменилась ваша жизнь?

— Раньше она была пустой и неупоря-
доченной, но, живя рядом с ним, пришлось
взять себя в руки, хотя превращение в до-
машнюю хозяйку было для меня настоя-
щим шоком. Поймите меня правильно: в
серьезных вещах я человек подсознатель-
но организованный. В проведение концер-
та в Модене для детей из Боснии, напри-
мер, я вложила все свои силы, и думаю,
это было заметно.

— Но ваши политические пристрастия
не изменились?

итальянскими бабушками. Лючано по-
том три дня надо мной смеялся: “Эти пе-
реговоры обошлись нам в десять тысяч
долларов!” Кухня сейчас в доме Пава-
ротти становится все более вегетариан-
ской... Полтора года тому назад мы ез-
дили отдыхать на Ямайку с рок-звездой
Брайаном Адамсом, который и обратил
меня в вегетарианскую веру. Лючано в
этом отношении теперь тоже на
правильном пути.

— О чем вы сожалеете?

— О том, что нам редко удается побыть
наедине. Вечно за нами увязываются 4 — 5
человек. И еще мне не хватает моей лю-
бимой собаки: она очень больна. Когда
нам сообщили, что у нее рак, Лючано ор-
ганизовал консультацию лучших ветери-
наров мира. Потом из Осло, где мы тогда
были, он отправил меня на первом же са-
молете в Болонью, и я могла присутство-
вать при операции. Через полчаса я уже
вылетела обратно в Норвегию. Я думаю,
что и эта невероятная щедрость — конечно
же, не только материальная, но и душев-
ная — помогла ему стать таким великим
человеком.

— А как насчет детей?

— Всему свое время. Отношения с быв-
шей женой Лючано у нас нормальные. Мне
себя упрекнуть не в чем: новая любовь
приходит тогда, когда кончается старая.

Алессандра ФАРКАС

Из итальянской газеты “Коррьере делла сера”
Перевела Э.ДВИН

Поправка

В статье С.Тарошиной “Свобода от меры
как высшая мера наказания” (“ЛГ”, № 26, 1996
г.) по техническим причинам перепутаны стро-
ки. Следует читать: “Однако тема этих горест-
ных замет обязывает высказаться именно в
упомянутом “свете” об открытии мемориала
работы Эрнста Неизвестного. Памятника не од-
ним колымским каторжанам — памятника вели-
кой всенародной долгой и черной беде”.

* Как ни странно, но в Италии для опре-
деления человека, целиком и полностью от-
дающегося работе, до сих пор широко упо-
требляется термин “стахановец”. — Прим. пе-
реводчика.